

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ
К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ О.К. ТИХОМИРОВА

**ЛИЧНОСТНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ РАЦИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА:
РАЗВИТИЕ ИДЕИ ЕДИНСТВА ИНТЕЛЛЕКТА И АФФЕКТА¹**

© 2013 г. М. А. Чумакова

*Кандидат психологических наук, доцент кафедры индивидуальной и групповой психотерапии
факультета консультативной и клинической психологии МГППУ, Москва,
e-mail: chumakova.mariya@gmail.com*

Обсуждается развитие идей смысловой теории мышления О.К. Тихомирова в контексте исследования процессов выбора и принятия решений. Обосновывается эвристичность и потенциал теории для решения ключевых исследовательских проблем данной области. Построена теоретическая модель интеллектуально-личностной регуляции выбора. Описываются результаты исследования, устанавливающие влияние процессов интеллектуально-личностной регуляции на разных этапах становления выбора как продуктивного решения. Выявлена структурирующая функция мотивации применительно к рациональному выбору.

Ключевые слова: смысловая теория мышления, выбор, принятие решений, личностно-мотивационная регуляция, функционально-уровневая концепция регуляции выбора, динамические регулятивные системы.

Проблема рационального выбора исторически является одной из центральных категорий анализа принятия решений человеком. Практическую значимость возможности предсказывать выбор субъекта и определять оптимальные алгоритмы принятия решений в различных сферах человеческой деятельности трудно переоценить. При существующем многообразии подходов к пониманию феномена принятия решения и его психологической регуляции большинство исследователей сходятся в том, что ключевой характеристикой данной реальности является необходимость преодоления неопределенности, которая требует от человека способности к новому мышлению, не сводимому к формальным логическим операциям и плюралистичному по своей сути [8, 21]. Кроме того, на основе идеи Л.С. Выготского о единстве интеллекта и аффекта можно предполагать, что выбор на различных этапах решения мыслительных задач, выбор способа действия в ситуации управления сложными технологическими процессами, жизненный и другие типы выбора предполагают реализацию не только интеллектуальных, но и личностных усилий. Результирующее действие интеллектуальных и личностных усилий субъекта оформляется в процессы осознанного принятия им решения как произвольно-

го выбора, феноменологически представленного через критерий обратимости рассматриваемых альтернатив [14].

В зарубежной психологии на протяжении последних десятилетий происходила и происходит трансформация представлений о роли индивидуальных особенностей субъекта и личностно-мотивационных факторов как переменных, искажающих идеальные рациональные стратегии [9, 17, 27, 28] или дополняющих рассмотрение контекстов поведенческих или психологических последствий выбора субъекта [10], в переменные, определяющие и объясняющие субъектную регуляцию процессов принятия решений. В отечественной психологии основания для такого переформулирования были созданы более 40 лет назад в рамках смысловой теории мышления О.К. Тихомирова [18, 22]. На наш взгляд, этот переход возможно и, более того, необходимо осуществлять, опираясь на развитие представлений о мотивационной иерархии как основе регуляции человеком своего поведения посредством активного целеполагания. Рассмотрение мотивационной регуляции процесса целеполагания как фокусирующего активность субъекта позволяет не только развивать идеи Л.С. Выготского о единстве интеллекта и аффекта, но и преодолевать многие методологические и методические трудности в исследовании процессов выбора, с кото-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ (грант № 13-36-01254).

рыми сталкивались зарубежные исследователи в разные периоды времени².

Еще в 80-х годах XX века О.К. Тихомировым и его учениками [2–6, 19] была проведена серия эмпирических исследований, направленных на выявление условий, влияющих на процесс целеобразования. Исходя из того, что цели направляют деятельность, делалась попытка показать, что они неразрывно связаны с детерминантами более высокого порядка – мотивационно-смысловыми структурами, которые регулируют процессы образования целей. По результатам данной серии исследований были сформулированы основные механизмы целеобразования: превращение мотивов в мотивы-цели при их осознании; преобразование побочных результатов действия в цель через связь с мотивом и осознание результата; преобразование неосознаваемых результатов в осознанные; выделение промежуточных целей.

Важнейшими предпосылками и основаниями дальнейшего изучения процессов принятия решений стали обоснованные в рамках данных исследований представления об эвристической функции эмоций при решении мыслительных задач [5, 6] и выделение новой структурирующей функции мотива по отношению к процессам целеполагания [19, 20]. Эти положения методологически позволили в дальнейшем преодолеть заданные в философии применительно к процессам выбора дихотомии разума–интуиции (Кант–Бергсон) и разума–эмоций (Кант–Юм) как противоположных оснований выбора и оценки альтернатив. Постановка проблемы личностно-мотивационной опосредствованности процессов мышления, отражающей единство интеллектуально-личностной регуляции действий и решений субъекта, развивает положения Л.С. Выготского о том, что овладение собственным поведением происходит за счет включения в ситуацию новых составляющих (“психологических орудий”), выступающих внутренними средствами изменения неопределенности.

Исходя из этих посылок, О.К. Тихомиров предложил классификацию принятия решений, основанную на возможности опосредствования выбо-

ра разными психологическими процессами [23]. В дальнейшем при развитии этой позиции [16] предлагалась также возможность уровневой соподчинения разных процессов в психологической регуляции выбора. Именно с точки зрения выделения процесса, находящегося на верхнем уровне регуляции выбора субъекта, решения могут классифицироваться как волевые, интеллектуальные, эмоциональные и т.д.³ При этом опосредствованный преимущественно мышлением выбор, называемый интеллектуальным, регулируется также и со стороны мотивационно-личностных составляющих, что задается смысловой теорией мышления О.К. Тихомирова [1].

В рамках данной классификации предполагалось, что процессы принятия интеллектуальных решений не являются однородными: они могут быть жестко алгоритмического, эвристического или продуктивного типа [16]. В последнем случае процесс принятия решения включает в себя психологические новообразования, возникающие у субъекта в ходе самого принятия решения: развертываются процессы порождения новых целей, оценок, мотивов, установок, смыслов. Можно утверждать, что выделение области принятия интеллектуальных решений стало новым направлением психологических исследований, позволяющим рассматривать процесс выбора как интеллектуально и личностно опосредствованный. При этом за выбором одной и той же альтернативы могут стоять совершенно разные психологические реалии, поскольку разными могут быть процессы, выходящие на верхний уровень в их иерархиях, складывающихся, во-первых, как динамические, во-вторых, как смысловые [7, 12].

Развитие данных представлений О.К. Тихомирова нашло свое отражение в концепции функционально-уровневой регуляции интеллектуальных решений Т.В. Корниловой. Центральными для данного подхода стали идеи о многоуровневости и множественности регуляции процесса принятия решения. С этой точки зрения принятие решений предполагает реализацию субъектом некоторых когнитивно-личностных усилий. Посредством этих усилий происходит функциональное (в рамках образующейся “здесь-и-теперь” регуляции) изменение уровня неопределенности ситуации, ее разрешение и преобразование в соответствии

² Например, несоответствие реально принимаемых решений тем решениям, которые предполагаются в рамках формально-логических моделей; низкая точность интуитивных суждений по сравнению с формальной статистической комбинаторикой, с одной стороны, и высокая точность интуитивных решений профессионалов – с другой; влияние индивидуальных различий на построение решения; “невоспроизводимость” одного и того же решения в разные моменты времени и т.п.

³ Волевые решения обнаруживаются в ситуациях преодоления конфликта противоположных тенденций, эмоциональные решения строятся на основе эмоциональных механизмов, интеллектуальные решения имеют место тогда, когда на первый план выступает задача выбора в ситуации скрытых, неявных альтернатив.

со структурно более общими целями, чем цель выбора из альтернатив (от целей прагматических до целей личностного саморазвития) [12].

Основным при этом выступает понятие динамических регулятивных систем (ДРС), в которых различные психологические свойства интегрируются в единое целое, а не выступают в качестве отдельных независимых факторов [29]. ДРС имеют уровневое строение: система регуляции может включать в себя как глубинную мотивацию, так и составляющие Я-концепции. ДРС охватывают осознаваемые и неосознаваемые уровни психологических переменных, интегрируемые общей саморегуляцией. При этом личностная регуляция неразрывно связана с интеллектуальными компонентами потенциала субъекта, что отражается в реализации тех или иных мыслительных стратегий, доопределении критериев выбора и т.п. Можно сказать, что построение ДРС представляет собой реализацию активности субъекта по преодолению неопределенности. В ситуации, где необходимо принятие решения, человек сам находит ее значимые аспекты, конструирует критерии, выдвигает цели. Эта работа требует от субъекта интеллектуальных усилий. Однако мыслительная активность опосредствуется на каждом этапе личностными компонентами, и это опосредствование не является жестко заданным и детерминирующим. Субъект определяет, на какие личностные ресурсы ему следует опереться, чтобы мыслительные операции были наиболее продуктивными, а выбор – рациональным. При этом интегрирующую функцию выполняет самосознание, т.к. через процессы самопонимания и самоосознавания субъект “получает доступ” к глубинным уровням своей личностной организации. Таким образом, в рамках данного подхода рациональный выбор трактуется как выбор, при котором субъект максимально использует свой интеллектуально-личностный потенциал при построении ДРС для преодоления ситуации неопределенности.

Эмпирическая проверка выдвинутых теоретических гипотез об активном преодолении неопределенности посредством построения субъектом регулятивных систем требует построения специфических исследовательских схем, включающих в себя как анализ актуалгенеза решения (например, через оценку процессуальных и результативных характеристик совершенного выбора), так и фиксацию компонентов интеллектуально-личностного потенциала посредством разнообразных диагностических процедур. Введение в сферу исследовательских интересов про-

блематики диагностируемых индивидуальных различий стало новым шагом в развитии идей школы О.К. Тихомирова. Было разработано и/или апробировано несколько психодиагностических методик, позволяющих фиксировать различные компоненты регуляции принятия решения⁴ [11, 13, 15].

В исследованиях, выполненных нами в рамках развития идей данного подхода, ставилась задача идентификации психологической реальности единых интеллектуально-личностных усилий, представленных при принятии интеллектуальных решений иным образом, чем в мыслительной деятельности при решении проблем, как открытых задач [24–26]. Базируясь на культурно-деятельностном подходе и развивая модель многоуровневой регуляции выбора Т.В. Корниловой, мы опирались на представление о процессуальной подготовке выбора и об отдельных его этапах как сопровождаемых изменением иерархии системы регуляции, причем эти изменения рассматривались нами как проявление произвольной саморегуляции и активности субъекта. В соответствии с этими представлениями мы сформулировали определение *рационального выбора* как выбора в условиях неопределенности, осуществляемого человеком на основе конструирования критериев, доопределения целей и опосредствованного целостными иерархическими процессами интеллектуально-личностной регуляции принятия проблемы (житейской или познавательной) и ее разрешения. Ключевой целью наших исследований стало обоснование единства интеллектуально-личностных предпосылок и актуально складывающихся новообразований в динамических регулятивных системах (ДРС), опосредствующих принятие и разрешение ситуации неопределенности при разных типах выбора.

Для достижения поставленной *цели*: установилось взаимодействие между интеллектуальными и личностно-мотивационными компонентами при решении задач разного типа. В первую очередь это должны были быть задачи с необходимостью преодоления неопределенности, т.к. преодоление неопределенности является основополагающей характеристикой ситуации выбора. В качестве репрезентативных было выделено два вида экспериментального материала. Во-первых, вербальные задачи, предполагающие сравнение и выбор из альтернатив через доопределение возможных целей. Во-вторых, конструктивные задачи, за-

⁴ Личностная готовность к риску, рациональность, имплицитные теории интеллекта и личности, толерантность/интолерантность к неопределенности и т.д.

ведомо требующие многоэтапных выборов как обеспечивающих создание нового продукта.

Для обоих типов задач были разработаны критерии оценки решения (в одном случае – выбора из альтернатив, во втором – сконструированного продукта). Чтобы проверить теоретическую гипотезу об опосредствовании выбора именно динамически складывающимися в процессе решения регулятивными системами (в противовес гипотезе об изначальной заданности выбора диспозиционными характеристиками субъекта), мы сконструировали для каждого типа задач показатель эффективности решения и разделили испытуемых на группы условно “справившихся” и “не справившихся” с предлагаемыми ситуациями неопределенности.

Важным шагом в проверке выдвинутой гипотезы было сравнение сформированных групп по уровню различных диагностируемых параметров, отражающих более или менее устойчивые (диспозиционные) компоненты интеллектуально-личностного потенциала. Выявление подобных различий позволило бы установить, какие индивидуальные особенности испытуемых позволяли им успешнее справляться с предлагаемыми задачами, и, следовательно, в дальнейшем прогнозировать успешность подобных решений. При этом отсутствие различий между группами позволило бы утверждать, что успешность (эффективность) решения связана не с индивидуальными различиями в этих характеристиках, а с процессуальной регуляцией выбора (саморегуляцией).

Следующим шагом верификации выдвинутой теоретической гипотезы было установление связей между компонентами интеллектуально-личностного потенциала субъекта и характеристиками выбора для испытуемых, условно “справившихся” и “не справившихся” с предлагаемыми задачами. Выявление связей для характеристик, по которым группы значимо различаются, свидетельствовало бы в пользу “предсказуемости” выбора, тогда как определение связей для тех показателей, по которым значимых различий между группами не обнаружено, говорило бы в пользу предположения об актуально складывающемся опосредствовании выбора.

При этом, следуя логике “контроля за выводом” и учитывая представленные в литературе данные о связях и влияниях компонентов интеллектуально-личностного потенциала на результативность выбора, мы были вынуждены диагностировать большое количество разноуровневых параметров (23 показателя, включающих интеллект, мотивацию, самооценку и т.п.), чтобы исключить воз-

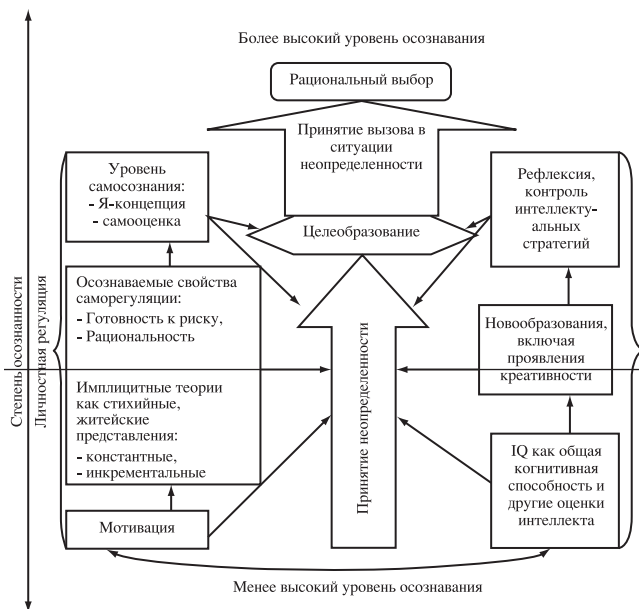

Рис. Теоретическая модель интеллектуально-личностной регуляции выбора.

можность выдвижения конкурирующих гипотез о влиянии “неучтенных” индивидуальных особенностей.

Теоретическая модель опосредствования выбора интеллектуально-личностными усилиями субъекта включила в себя, согласно идеям О.К. Тихомирова, разноуровневые компоненты регуляции, интегрирующиеся на уровне самосознания в единую систему саморегуляции и направляющие процессы целеобразования (рис.).

В результате исследования, проведенного по описанной выше схеме, нам удалось установить, во-первых, что для обоих типов задач существуют как общие, так и специфичные диспозиционные предпосылки успешного решения:

- для обоих типов задач – готовность действовать в условиях неопределенности;

- для конструктивных задач – высокий академический интеллект, его адекватная самооценка, отсутствие стремления обвинять других (мотивация агрессии);

- для задач на выбор из альтернатив (преимущественно, связанных с взаимодействием с другими людьми) – высокий практический интеллект, низкое стремление к доминированию и более высокое чувство ответственности (показатели базовой мотивации).

Во-вторых, были получены связи характеристик выбора с компонентами интеллектуально-личностного потенциала, по которым выделенные

группы не различались. Результатами, наиболее иллюстративно “работающими” на подтверждение гипотезы об активном опосредствовании выбора внутренними усилиями субъекта решения посредством выстраивания актуальной “здесь-и-теперь” иерархической системы регуляции, выступили следующие.

Установлено, что в группе, успешно справившейся с конструктивными задачами, испытуемые с более высокими показателями мотивации достижения допускали меньше ошибок, т.е. выполняли задание более качественно, в то время как в группе, не справившейся с предложенным заданием, более высокая мотивация достижения оказалась связана с количественным показателем решения [23]. При этом особенно важно, что группы не различались между собой по уровню мотивации достижения. Этот результат позволил нам сделать вывод о разной интерпретации достижений и, соответственно, о разном субъективном доопределении целей и смысла выполнения конкретного задания для конкретного субъекта.

Для задач на выбор из альтернатив было выявлено, что в группе, условно успешно выполнившей задание (разрешившей неопределенность в ситуации межличностного взаимодействия), наилучшим образом принимали решения испытуемые с более высокой коммуникативной компетентностью (стремлением понять другого и установить с ним близкие отношения). В группе, условно неуспешно выполнившей задание (преимущественно сохранившей неопределенность в ситуации взаимодействия), отказ от разрешения неопределенности оказался связан с мотивацией самопознания [25]. То есть выбор сохранения ситуации неопределенности опосредствуется потребностью субъекта анализировать свои мотивы, чувства и мотивы других людей. Важно подчеркнуть, что по данным шкалам мотивации значимых различий между группами установлено не было, это позволило нам интерпретировать полученные эмпирические факты в контексте выхода одной или другой мотивационной тенденции на верхний уровень регуляции выбора в динамической регулятивной системе, складывающейся при принятии конкретного решения.

Также применительно к задачам на выбор из альтернатив нам удалось показать, что готовность незамедлительно разрешать ситуацию неопределенности в межличностном взаимодействии связана с пониманием человеком своего интеллектуально-личностного потенциала как статичного образования. В то время как готовность сохранять ситуацию неопределенности зависит от пред-

ставления о возможности развития и обогащения своего интеллектуально-личностного потенциала (разные имплицитные теории интеллекта и личности как компоненты самосознания) [24]. Данный результат косвенно подтверждает предположение об опосредствовании выбора процессами саморегуляции, иерархически включающими в себя разноуровневые компоненты интеллектуально-личностного потенциала субъекта.

Таким образом, проведенные нами исследования позволили верифицировать гипотезу об опосредованности акта выбора процессами саморегуляции, актуализируемыми в функциональных образованиях – динамических регулятивных системах (ДРС), репрезентирующих единство интеллекта и аффекта. Показано, что *диспозиционные* предпосылки выбора, измеренные в качестве ресурсов интеллектуальными и личностными тестами, занимают подчиненное место по отношению к новообразованиям в *актуалгенезе* выбора, определяющим типологические особенности в способах преодоления ситуации неопределенности. Было установлено, что в ДРС, складывающихся при выборе в различных ситуациях неопределенности (разный тип задач), интеллектуальные и мотивационные компоненты совместно определяют образование целевых структур, опосредствующих продуктивную подготовку и конечный выбор субъекта. При этом мотивация выполняет структурирующую функцию в процессе целеобразования и в выборе интеллектуальных стратегий применительно к разрешению ситуации неопределенности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет развивать положения смысловой теории мышления О.К. Тихомирова применительно к регуляции рационального выбора в следующих контекстах:

– во-первых, разработанная теоретическая модель рационального выбора как осуществляемого в единой интеллектуально-личностной регуляции принятия и преодоления неопределенности конкретизирует идеи единства интеллекта и аффекта в опосредствовании решения человеком мыслительных задач;

– во-вторых, выявление структурирующей функции мотивации применительно к рациональному выбору развивает представления о мотивационной регуляции мышления и позволяет обосновывать эвристичность теории для исследования личностной регуляции сложных процессов,

не вошедших в перечень высших психических функций и имеющих статус “интегративных”;

– в-третьих, установление ведущей роли ноообразований в структурах саморегуляции по отношению к неспецифической мотивации в становлении процессуальных и результативных характеристик выбора позволяет углубить представления о механизмах и функциях процесса целеобразования;

– в-четвертых, выявление различий в личностно-мотивационной регуляции продуктивных выборов в зависимости от уровня диагностируемых интеллектуальных способностей конкретизирует механизмы целеобразования и регуляции мышления в контексте индивидуальных различий.

Дальнейшее развитие идей смысловой теории О.К. Тихомирова применительно к исследованию регуляции выбора может быть предпринято в следующих направлениях: исследование осознанности/неосознанности процессов целеполагания, позволяющих преодолевать неопределенность ситуации; выявление интеллектуально-личностных предпосылок и механизмов формирования субъективной неопределенности и акта ее принятия субъектом; выявление возможных типологических паттернов взаимодействия с неопределенностью на основе индивидуальных особенностей в интеллектуально-личностном опосредствовании выбора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бабаева Ю.Д., Березанская Н.Б., Васильев И.А., Войскунский А.Е., Корнилова Т.В.* Смысловая теория мышления // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 2008. № 2. С. 26–58.
2. *Бабаева Ю.Д.* Целеобразование в интеллектуальной деятельности в условиях диалога с ЭВМ: Дисс. ... канд. психол. н. М., 1979.
3. *Бибрих Р.Р.* Экспериментальное исследование видов целеобразования // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1978. № 4. С. 50–57.
4. *Бибрих Р.Р., Орлов А.В.* Преодоление в зарубежной психологии традиционных факторных подходов к детерминации поведения // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1977. № 2. С. 37–43.
5. *Васильев И.А.* К анализу условий возникновения интеллектуальных эмоций // Психологические исследования интеллектуальной деятельности. М.: МГУ, 1979. С. 55–62.
6. *Васильев И.А.* Соотношение процессов целеобразования и интеллектуальных эмоций в ходе решения мыслительных задач // Психологические механизмы целеобразования. М.: Наука, 1977. С. 68–95.
7. *Васильев И.А.* Место и роль эмоций в психологической системе // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 2008. № 2. С. 113–127.
8. *Дернер Д.* Логика неудачи. М.: Смысл, 1997.
9. *Канеман Д., Словик П., Тверски А.* Принятие решений в неопределенности. Правила и предубеждения. М.: Гуманитарный центр, 2005.
10. *Козелецкий Ю.* Психологическая теория решений. М.: Прогресс, 1979.
11. *Корнилова Т.В.* Диагностика мотивации и готовности к риску. М.: Институт психологии РАН, 1997.
12. *Корнилова Т.В.* Методологические проблемы психологии принятия решений // Психол. журн. 2005. Т. 26. № 1. С. 7–17.
13. *Корнилова Т.В.* Новый опросник толерантности к неопределенности // Психол. журн. 2010. Т. 31. № 1. С. 74–86.
14. *Корнилова Т.В.* Психология риска и принятия решений. М.: Аспект Пресс, 2003.
15. *Корнилова Т.В., Смирнов С.Д., Чумакова М.А., Корнилов С.А., Новотоцкая-Власова Е.В.* Модификация опросника имплицитных теорий К. Двек (в контексте изучения академических достижений студентов) // Психол. журн. 2008. Т. 29. № 3. С. 106–120.
16. *Корнилова Т.В., Тихомиров О.К.* Принятие интеллектуальных решений в диалоге с компьютером. М.: МГУ, 1990.
17. *Плаус С.* Психология оценки и принятия решений. М.: Филинь, 1998.
18. Психологические механизмы целеобразования / Под ред. О.К. Тихомирова. М.: Наука, 1977.
19. *Телегина Э.Д., Богданова Т.Г.* Соотношение мотивов и целей в структуре мышления // Психологические исследования интеллектуальной деятельности / Под ред. О.К. Тихомирова. М.: МГУ, 1979. С. 38–49.
20. *Тихомиров О.К., Богданова Т.Г.* Исследование структурирующей функции мотива // Психол. журн. 1983. Т. 4. № 6. С. 54–61.
21. *Тихомиров О.К.* Понятия и принципы общей психологии. М.: МГУ, 1992.
22. *Тихомиров О.К.* Структура мыслительной деятельности человека. М.: МГУ, 1969.
23. *Тихомиров О.К.* Принятие решений как психологическая проблема // Проблемы принятия решения. М.: Наука, 1976. С. 77–82.
24. *Чумакова М.А.* Интеллектуально-личностная регуляция в решении задач на конструирование // Вопросы психологии. 2010. № 4. С. 83–93.
25. *Чумакова М.А.* Личностные предпосылки рационального выбора в условиях неопределенности: Дисс. ... канд. психол. н. М., 2010.

26. Чумакова М.А. Мотивация и практический интеллект в функциональной регуляции рационального выбора // Вестник Тамбовского государственного университета, серия Психология. 2009. Вып. 9 (77). С. 264–268.
27. Gigerenzer G. Moral intuition – fast and frugal heuristics? *Moral Psychology: The cognitive science of morality: Intuition and diversity* / Ed. W. Sinnott-Armstrong. Cambridge, MA: MIT Press, 2008. V. 2. P. 1–28.
28. Gigerenzer G., Todd P.M., ABC Research Group. *Simple Heuristics that Make us Smart*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2000.
29. Kornilova T.V., Kornilov S.A., Chumakova M.A. Subjective Evaluations of Intelligence and Academic Self-Concept Predict Academic Achievement: Evidence From a Selective Student Population // *Learning and Individual Differences*. 2009. V. 19. № 4. P. 596–608.

PERSONAL REGULATION OF RATIONAL CHOICE: DEVELOPING THE IDEA OF THE UNITY OF INTELLECT AND AFFECT

M. A. Chumakova

PhD, assistant professor, chair of individual and group psychotherapy, department of counseling and clinical psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow

The paper discusses the evolution of the ideas of Tikhomirov's semantic theory of thinking as they are related to studies of choice and decision making. We argue that Tikhomirov's theory is useful and heuristic in addressing key challenges in this scientific field. The theoretical model of the intellectual and personal regulation of choice based on Tikhomirov's theory is described in the context of a specific study. The study was aimed at investigating the effects of different processes of intellectual and personal regulation at different stages of choice (as a productive decision) and revealing the structuring function of motivation in the regulation of rational choice.

Key words: semantic theory of thinking, choice, decision-making, personal regulation, motivational regulation, functional-leveled conception of choice regulation, dynamic regulative systems.